

Чай с Дзеффирелли

Известия — 1999 — 14 июня — с. 5

На Московском кинофестивале обещают показать «Чай с Муссолини» — новую картину Франко Дзеффирелли, режиссера, известного своими экранизациями классики. Его «Ромео и Джульетта» 1968 года многими и по сей день считается лучшей киноверсией знаменитой пьесы. Однако новая картина снята на основе детских воспоминаний мастера: Флоренция, тридцатые и дальше, Муссолини — всего лишь джентльмен, заставивший поезда ходить по расписанию. В преддверии этого знаменательного события — интервью с режиссером, взятое на фестивале в Карловых Варах.

— Как вам нравятся нынешние экранизации Шекспира — скажем, «Ромео + Джульетта» База Лурмана, «Ричард III» Яна МакКеллена? И что насчет «Влюбленного Шекспира»?

— Я просто счастлив, что кинематограф начал уделять так много внимания Шекспиру и вообще классике. Это, собственно, и есть цель моей жизни, ради которой я работал столько лет. Ведь моими первыми заметными фильмами были «Укрошение строптивой» и «Ромео и Джульетта», а тогда, в шестидесятые, Шекспир был вовсе не в почете у мейджоров. Идти в «Парамаунт» или «MGM» со словами «Вот, у меня тут сценарий на основе Шекспира» не имело никакого смысла — сразу укажут на дверь. И только после грандиозного успеха «Ромео и Джульетты» — он собрал то ли шестнадцать, то ли семнадцать миллионов долларов при бюджете в полтора — отношение потихоньку стало меняться: старик Вильям при верном подходе да в умелых руках может стать хорошим материалом для бизнеса. Так что теперь, когда дело, начатое мной (это звучит нескромно, но должен на-

помнить, что именно я первым вернул Шекспира широкой аудитории), получило такое развитие — что я должен чувствовать, кроме радости? «Ромео и Джульетту» полюбили подростки, вот что главное. Они неожиданно обнаружили, что легко могут понять, о чем там речь. Классика вернулась к тем, кому она больше всего нужна. С сожалением должен признать, что не все современные экранизации так хороши, как хотелось бы. Но это неважно. Паскаль сказал: «Если вы идете по направлению к Богу — вы уже достигли его». Так же и с Шекспиром. Неважно, что подтолкнет этого абстрактного тинейджера. Это, впрочем, всех касается — образованный, культурный человек обязан постоянно возвращаться к классике. Самое опасное искушение любого поколения, нашего в особенности, — забыть все, что было прежде. Как можно считать себя культурным, не прочитав «Войну и мир», или ворох греческих трагедий, или Мольера?!

Я видел несколько весьма интересных попыток пересказать классику языком современного кино. Иногда они заходят слиш-

ком далеко в своем желании адресовать картину прежде всего подросткам — это в общем-то неверный подход. Но, опять же, не столь это важно. «Ричард III» — очень хорошая картина, а «Влюбленный Шекспир» — так и просто грандиозный фильм. Легковесный, конечно, но идея великодушная. Как раз сейчас, после всего этого шекспировского бума, аудитория всерьез заинтересовалась той эпохой: елизаветинским театром, культурой, духом времени. Во «Влюбленном Шекспире» есть очень забавные моменты: там ведь девушка (Гвинет Пэлтроу. — А.М.) притворяется юношей, чтобы получить возможность играть... Для Шекспира это могло обернуться некоторыми сложностями — он-то предпочитал мальчиков. Представьте, Вильям затаскивает к себе в постель юношу, а тот оказывается Бог знает кем!

— А вы, кстати, придерживаетесь стратфордской теории? Что именно человек по имени Шекспир был настоящим автором всех пьес?

— Да. Абсолютно. Это, конечно, красивая теория — или скорее теории, потому что их несколько, — что никакого Шекспира на самом деле не было или что эти пьесы написаны коллективом авторов. Последнее отчасти возможно — Вильям мог нанять каких-то людей, даже профессиональных писателей, ради нескольких эпизодов, это была общепринятая практика. Но структура пьесы, идея, вдохновение, наконец — все это заслуга

одного человека, и этим человеком был Вильям Шекспир. Зачем изобретать какие-то теории? Их все равно практически невозможно доказать. Понятно, что людям нравятся экстравагантные версии — никакого Шекспира не было, и Данте, говорят, тоже не было. Просто Шекспир не был публичным деятелем — он был профессионалом, довольно осмысленным человеком, никогда не ввязывался в скандалы. Но мы знаем, что у него была жена и двое детей, которые остались в Стратфорде-на-Эйвоне, когда он переехал в Лондон. Никто же о них не пишет!

В общем, мне не нравятся подобные теории. Что они несут? К чему они?

— Творческие люди обычно стараются держаться от политики подальше. Что вас подвигло на этот малоприятный шаг?

— Я конечно же занялся политикой не для того, чтобы сделать карьеру или заработать влияние или — зачем там еще люди становятся политиками? Однако же демократическое государство вправе ожидать от своих граждан отдачи. Так случилось, что я — один из самых известных и уважаемых людей в мире и могу предложить некоторые полезные идеи касательно тех областей, которыми я традиционно занимаюсь — культура, театр, кино и т.д. Я ведь не из тех режиссеров, которые принципиально не прислушиваются к дыханию времени, — ежу, знаете ли, в подземке, а не на лимузине, и никогда не отрывался от

земли. В общем, решил, что антикоммунистическое движение, которое сейчас набирает силу в Европе и в Италии в частности, нуждается в моей помощи. Так я стал сенатором. Конечно, в Сенате я часто чувствую себя неуютно — как собака в церкви. Когда среди этих политиков приходится говорить о культуре... Да и не только о культуре — у нас много проблем, особенно на юге Италии: безработица, бездомные дети, разваленное образование. Но поверьте, решать эти вопросы гораздо интереснее, чем подписывать idiotские контракты с Голливудом, пытаясь влезть в требуемый формат.

— Вы, пожалуй, несколько удивили зрителей, обратившись в новом фильме к собственной биографии — вместо привычной уже классики...

— Я взял свою биографию для «Чая с Муссолини», поскольку моя история очень драматична и вполне подходит для кино. Не то чтобы я платил по старым счетам — я уже практически не отождествляю себя с тем мальчиком, это как чужая жизнь. Кроме того, мне доставило истинное наслаждение воссоздать Флоренцию такой, какой она была в те времена. Сейчас-то этого великолепия не видно — сплошные туристы, машины,

смог. Мы словно стерли пыль с древней фрески.

А удивление публики вполне естественно. К сожалению, я известен больше как кинорежиссер. Посему большинство зрителей не знает моих театральных работ, а я ведь ставил весьма современные пьесы — Миллера, скажем. Так что «Чай с Муссолини» не есть для меня что-то новое. В кино — да, я предпочитаю классику, хотя мне много раз предлагали сценарии на актуальные темы, и неплохие сценарии. Но вот представьте: я сижу в Нью-Йорке, читаю очередную такую разработку — любовь, американские девушки, все очень лихо закручено — и думаю: зачем мне тратить на это два года своей жизни, если я могу поставить «Травиату»? Или «Отелло»?

Алексей МУНИПОВ

